

Ludmiła Pierfiljewa

Сергей Григорьевич Голицын (1803-1868) : знакомый Пушкина и Мицкевича

Acta Polono-Ruthenica 3, 31-46

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Ludmiła Pierfiljewa
Moskwa

Сергей Григорьевич Голицын (1803 - 1868) - знакомый Пушкина и Мицкевича

Имя Сергея Григорьевича Голицына - поэта-любителя, музыканта и композитора - давно известно среди лиц пушкинского окружения.¹ Пушкинисты хорошо его знают под светским прозвищем „Фирс” (или „Длинный Фирс”) - прежде всего в связи и происхождением фабулы *Ликовой дамы* Пушкина. В её основе лежит рассказ Фирса о его двоюродной бабке - Наталье Петровне Голицыной - прототипе „старой графини”. К Фирсу же обращена и пушкинская эпиграмма *Полюбуйтесь же вы, дети...*, написанная летом 1830 года в дачной местности под Петербургом на Чёрной речке.

С. Г. Голицын (1803 - 1868) принадлежал к высшим слоям петербургского общества и был чрезвычайно популярен в аристократических, литературных и музыкальных кругах. В конце прошлого столетия один из близких современников Фирса (и едва ли не единственный его биограф) заметил, что „[...] этот высоко даровитый представитель русского интеллигентного дворянства заслуживает полной биографии и оценки уже по одним дружеским связям со всеми блистательными представителями русского таланта его времени”.² Тот же автор назвал Фирса „другом и переводчиком Адама Мицкевича”. Этого достаточно, чтобы возбудить интерес к личности С. Г. Голицына. Но наше сообщение не претендует на роль „полной биографии”. Это всего лишь рассказ о Фирсе Голицыне, основанный на тех данных, которыми мы располагаем.

---

¹ Л. А. Черейский, *Пушкин и его окружение*, Ленинград 1975, s. 102-103; См. также: *Русские писатели. 1800 - 1917. Библиографический словарь*, Москва 1992, s. 607.

² Н. Н. Голицын, *Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных*, Киев 1880, s. 123, 169-170.

Сергей Григорьевич Голицын (Фирс) - принадлежал к одному из старинных и знатных в русских дворянских родов. Он родился 23 июля 1803 года в Риге, где служил в то время его отец Григорий Сергеевич - старший из десяти сыновей известного военачальника екатеринской эпохи С. Ф. Голицына. Как первенец-сын и первенец-внук, Сергей Григорьевич был крещён именем своего заслуженного деда, тогда как отчество его восходило к славе Григория Александровича Потёмкина: светлейший князь Тавриды вместе с Екатериной II крестил его отца. Этой чести семейство Голицыных было удостоено потому, что дед Фирса был женат на одной из любимейших племянниц Потёмкина - Варваре Васильевне Энгельгардт (1756 - 1816). Сергей Фёдорович Голицын (1746 - 1810) - генерал-фельдмаршал, участник всех войн екатерининской и павловской эпох, герой Очакова, кавалер большинства российских орденов, был высоко ценим современниками, даже такими, как далеко не снисходительный А. В. Суворов. Звёздным часом военной карьеры С. Ф. Голицына была победа при Мачине (1791 г.), вошедшая в анналы истории Русско-турецких войн екатеринской эпохи. Тогда же высокие достоинства С. Ф. Голицына как человека и военачальника были отмечены потомственным польским дворянством. Поэтому, быть может, не случайно судьба некоторых из его сыновей и внуков, включая Фирса, оказалась в дальнейшем связанной с Польшей.

С. Ф. и В. В. Голицыны (дед и бабка Фирса) в своё время дружили с Г. Р. Державиным. Годы опалы при Павле I (1796 - 1801) с Голицынами разделил И. А. Крылов, выполняя обязанности секретаря, и, попутно, обучая русской грамоте младших детей и воспитанников. В число последних входили Мария Павловна Сумарокова (племянница знаменитого драматурга), а также Филипп Филиппович Вигель - будущий автор знаменитых *Записок*. На их страницах нашлось достаточно места для подробнейшего рассказа о многочисленных членах „зубриловского” клана Голицыных³ -

---

³ Обширный семейный клан образовался от десяти сыновей генерала С. Ф. Голицына - основателя прославленного имения Голицыных „Зубриловка” в Саратовской губ. Определение данной отрасли рода в качестве „зубриловских Голицыных” не является историческим и принадлежит нам. Данная отрасль находилась в двойном родстве с московскими Голицыными - хозяевами усадьбы Большие Вяжёмы (в их числе: воспитатель Петра I Б. А. Голицын, Н. П. Голицына, уржд.

предках Фирса и его ближайших родственников. Правда, Ф. Вигель дал весьма ядовитые характеристики большинству из них. В поведении и в судьбах „зубриловских Голицыных” он был склонен видеть все характерные признаки разложения и упадка старинных аристократических родов России.⁴ Менее пристрастные биографы, напротив, отмечали, что представители этой ветви знатного рода выделялись разнообразными художественными талантами и артистизмом.⁵ Эта яркая родовая черта передавалась из поколения в поколение.⁶ Её в полной мере унаследовал и Сергей Голицын (Фирс).

Отец Фирса Григорий Сергеевич Голицын (1780 - 1846) начал свою блистательную карьеру с должности председателя Военной канцелярии Павла I, и дослужился до сенатора. Всё это не помешало ему одновременно заслужить себе у потомков репутацию „едва ли ни самого замечательного самодура своего времени”.⁷ Он постоянно кем-то себя воображал: то царём Давидом, то Людовиком XIV, то Александром I. Будучи в Пензе губернатором, он попытался переложить на провинциальный лад обычаи Версаля - устроил при себе „шутовской двор” и даже завёл „метрессу”. Мать Фирса Ека-

---

Чернышева - „фрейлина при пяти императорах”, её сын московский генерал-губернатор Д. В. Голицын и др.). Обе отрасли через своих предков (Чернышевых и Ртищевых) оказались в родстве и с А. С. Пушкиным. - См.: Л. А. Перфильева, *Загадочная болдинская соседка или „зубриловские” Голицыны в кругу знакомых А. С. Пушкина 1830-х годов*, „Болдинские чтения”, Нижний Новгород, 1994, s. 111-124; её же: *Усадьба Голицын и Голицыных-Прозоровских. Зубриловка, Пензенской области*, [w:] *Мир русской усадьбы. Очерки*, Москва 1995, s. 226-238; А. И. Виноградов, *Пушкин, Голицыны - родственные связи*, [w:] *Род Голицыных в истории России. Материалы I Голицынских чтений*, Большие Вязёмы 1995, s. 98-102.

⁴ *Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Издание „Русского архива”*. (Дополненное с подлинной рукописи), cz. 1-4, Москва 1891 - 1893.

⁵ *История родов русского дворянства. В 2-х кн.*, Санкт-Петербург 1886, Москва 1991, кн. 1, s. 351.

⁶ „Главным талантом” родного дяди Фирса - Фёдора Сергеевича Голицина (1781 - 1816), егермейстера императорского двора, - признавалось „никем не превосходимое умение устраивать праздники”. Постоянными участниками придворных спектаклей были и его двоюродные братья. - Подробно об этом см.: Л. А. Перфильева, *Загадочная болдинская соседка...*, s. 113, 119, 121-123.

⁷ В. А. Соллогуб, *Воспоминания*, Москва 1931, s. 253.

терина Ивановна (урождённая Соллогуб) была, не в пример мужу, человеком высоко нравственным и прекрасно образованным. Вигель называл её небесным ангелом, ступающим по земле. Она обладала мягким характером и поэтической душой и все свои силы и время отдавала воспитанию детей.⁸ Именно матери С. Г. Голицын был обязан развитием своих музыкальных и поэтических дарований, а также открытым доброжелательным характером.

Получив домашнее образование (с превосходным знанием языков - французского и польского), Фирс в 1825 году поступил на службу в Коллегию Иностранных дел. В 1826 году (год смерти матери) он получил придворное звание камер-юнкера и вскоре сделался в Петербурге модным светским человеком. Двоюродный брат Сергея Голицына, В. А. Соллогуб, восхищённо признавал, что Фирс „[...] был кумиром тогдашней молодёжи: роста и сложения атлетического, весёлости неистощимой, куплетист, певец, рассказчик, балагур, - куда он ни являлся, начинался смех и он становился душою общества”. Он вспоминал его как „очень приятного музыканта и стихотворца, сохранившего о себе память умного и весёлого собеседника, но шалуна и шутника легендарного”.⁹ Фирс обладал незаурядным даром общения, а кроме того В. Д. Давыдов утверждал, что Сергей Голицын „[...] был одним из таких рассказчиков, каких редко можно было слышать”.¹⁰ Поэтому жаль, что Фирс не оставил нам собственной биографии: почти всё, что мы о нём знаем, связано со страницами биографий его великих современников.

В 1826 - 1827 гг. Фирс тесно сдружился с Михаилом Ивановичем Глинкой (1804 - 1851) - тогда лишь начинающим композитором. Позднее Глинка вспоминал, что Сергей Голицын был „милый, весёлый, подчас забавный молодой человек, хорошо знал музыку и пел очень приятно прекрасным густым басом. Я был тогда чрезвычайно застенчив, он умел ободрить меня и ввёл в круг молодых

---

⁸ О ней см.: Ф. Ф. Вигель, *Записки*, Москва 1882, cz. 2, s. 96; О. Ю. Сафонова, *Портреты Голицыных в доме Толстого*, [w:] *Яснополянский сборник*, Тула 1992, s. 197; М. Н. Волконская, *Дневные записки для собственной памяти*, [w:] С. Л. Толстой, *Мать и дед Л. Н. Толстого*, Москва 1928, s. 92-94.

⁹ В. А. Соллогуб, *op. cit.*, s. 256, 539.

¹⁰ *Воспоминания В. Д. Давыдова*, „Русский архив”, 1871, s. 1956 - 1958.

людей высшего тона. Благодаря его дружескому участию я приобрёл много приятных и полезных знакомств". С теплотой и благодарностью Глинка неоднократно подчёркивал, что знакомство с Фирсом имело важное влияние на развитие его музыкальных способностей: „Он умел ловко возбуждать меня к деятельности, писал для меня стихи, исполнял мои сочинения...”.¹¹ Так образовалось творческое содружество двух молодых авторов, завоевавших популярность русского общества романсами *Поцелуй, Забуду ль я..., На миг один..., Разочарование, Скажи, зачем...,* и др. Дружески соревнуясь с М. Ю. Виельгорским, они выступили и в более серьёзном жанре, сочинив канон *Мы в сей обители святой*.

В январе 1827 года, на масленице, Фирс и Глинка приняли участие в спектакле на балу в доме Председателя Государственного Совета князя В. П. Кочубея. И женские и мужские роли исполнились молодыми офицерами в полумасках и в „соответствующих”, довольно нелепых, костюмах. М. И. Глинка в кисейном платье и рыжем парике пел партию Донны Анны в *Дон-Жуане* Моцарта, тогда как Фирсу досталась роль слуги Дон Жуана. После продолжительного дивертисмента представление закончилось русской пляской на 20 пар в стилизованных простонародных одеждах (Глинка был в сарафане и кокошнике).¹² Спектакль имел большой успех и вдохновил молодых людей на новые затеи.

Сложилась особая компания, включавшая в себя, кроме С. Г. Голицына и Глинки, аристократичного Евгения Петровича Штерича и четырёх братьев Толстых. Дали представление в Царском Селе, где исполнялась *Серенада* Глинки и его куплеты *Лила в черной мантии* на слова С. Голицына. Кажется тогда же на Царско-сельском пруду Фирс выступил в фарсе в паре с Миклашевским. А. О. Россет (в замужестве Смирнова) вспоминала: „Фирс Голицын садился на лодку с косою в руке и пел по-французски: «...Время изгоняет любовь...». А потом Миклашевский с крыльями сидел у руля, а Голицын пел: «...Любовь заставляет бежать время...», - всё

---

¹¹ М. Ю. Глинка, *Записки. (1804 - 1854)*, Москва 1930, s. 76-90.

¹² *Записки князя Николая Сергея Голицына. (1828 - 1829)*, „Русская старина”, 1881, t. 30, nr 3-4, s. 519-526.

происходило ранним утром...”.¹³ Популярность этой музыкальной и весёлой компании была столь велика, что их приглашали во многие петербургские дома и пригородные дачи, и даже за 200 верст от столицы - в имение Строгановых, где несколько дней угощали, не отпуская. Концерты не прекращались и в 1828 году.¹⁴ Но теперь в моду вошли „утренние серенады” под окнами петербургских домов-салонов.¹⁵ Кроме того, Фирса постоянно приглашали для участия в домашних спектаклях, к которым он сам сочинял музыку.

Вероятно именно театральными пристрастиями Фирса объясняется происхождение его прозвища. По свидетельству В. Соллогуба, прозвище „Thursis” (превратившееся в русское „Фирс”) довольно рано, в детстве или юности, дали Сергею Голицину его младшие родственники - дети генерала Г. И. Чернышева.¹⁶ Им, кажется, были известны имена Тирса Эфесского (участвовавшего в качестве постановщика комедий в благодарственных жертвоприношениях на сотериях в Дельфах - 269 г. до н.э.) и Тирса Афинского - трагического актёра, певшего в Дельфах (106 г. до н.э.). Или, быть может, они были хорошо осведомлены в тонкостях античных культов, по которым и сам Вахх и „тирсис” (как его атрибут) олицетворяли „творческую потенцию”, символизируя исключительную жизненную силу и творческую способность, позволяющую „сухой трости внезапно прорасти виноградной лозой”.¹⁷ Известные нам рассказы современников с лёгкостью позволяют убедиться в том, что артистичная натура Сергея Голицына и привычный стиль его поведения давали возможность любого из этих толкований.

---

¹³ А. О. Смирнова-Россет, *Дневник. Воспоминания*, под ред. С. В. Житомирской, Москва 1989, s. 363.

¹⁴ „Голицын возится с Глинкою и устраивает родственно аристократические праздники...”. - Из письма А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 года. - *Переписка А. С. Пушкина*, Москва 1982, t. 1, s. 263.

¹⁵ По рассказу А. О. Смирновой-Россет, обычай таких „музыкальных утр”, завершавших элитарные ночные „салоны”, был привезён из Парижа г-жей Синявиной и заканчивался, как ей казалось, „смешным”: „...спущенные шторы, полусвет, чтобы скрыть вуалью утомлённые обесчещенные лица...”. Участие в них Фирса с его товарищами доводило эти представления до полного комизма. - А. О. Смирнова-Россет, *op. cit.*, s. 539.

¹⁶ В. А. Соллогуб, *op. cit.*, s. 256.

¹⁷ М. Ф. Мурьянов, *Из символов и аллегорий Пушкина*, Москва 1996, s. 12.

По первоначальному значению „Thyrsis” - атрибут Вакха: длинный (в рост человека) шест с проросшей ветвью или, иногда, увитый виноградной лозой. „Длинный Фирс”, - с его необузданной энергией в юности своей равно напоминал как самого Вакха, так и сопутствовавший ему атрибут - „Тирс” или „Тирсис”. В русском языке имеется аналог подобного образа: выражение „коломенская верста”. В пушкинское время всему Петербургу была известна анекдотическая история, случившаяся с С. Г. Голицыным в театре. На шепот с задних кресел: „Сядьте, сядьте!”, он с достоинством продемонстрировал: „Вот это я стою! - А вот это я сажу!”.¹⁸ Вместе с тем „Фирс” - не только „Тирсис” (то есть атрибут языческого божества), но и имя святого христианского мученика, внесённое в православные святцы с памятью о нём 14 декабря. Случайное совпадение этой даты с днём восстания на Сенатской площади в 1825 году дало повод к известной мистификации, автором которой был, несомненно, сам Сергей Голицын. Очевидно желая „повысить себе цену” в глазах А. О. Россет, Сергей Голицын в разговоре с ней туманно намекнул на то, что совпадение это, будто-бы, вызвало подозрения у членов Комиссии по расследованию дела декабристов, и что его даже приглашали туда для объяснений...¹⁹ В действительности же Фирс Голицын по делу декабристов никогда не привлекался, но слух разнёсся по Петербургу.²⁰ Подобные и весьма разнообразные выдумки и мистификации сопровождали Сергея Голицына всю его жизнь. К их числу принадлежала, в частности, рассказанная им история о „тайне трёх карт” (якобы помогшей Фирсу однажды отыгратья...) и заимствованная Пушкиным для *Пиковой дамы*.

Тема азартной карточной игры совершенно неотделима от образа Сергея Голицына. И Пушкин, в своей эпиграмме на Фирса, рисует его в привычной обстановке:

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте

¹⁸ В. В. Вересаев, *Спутники Пушкина*, т. 2, Москва 1993, s. 112-114.

¹⁹ А. О. Смирнова-Россет, *op. cit.*, s. 355.

²⁰ Ф. П. Фонтон, *Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма*, Лейпциг 1862, т. 2, s. 16.

Длинный Фирс играет в *эти*,
Те, те, те, и те, те, те.

.....
 О, какие же здесь сети
 Рок нам стелет в темноте,
 Рифмы, деньги, дамы *эти*,
*Те, те, те, и те, те, те.*²¹

Атмосфера азартной игры присутствует и в другом стихотворении и А. С. Пушкина, связанным с Фирсом:

А в ненастные дни собирались они часто.
 Гнули, „Бог их прости“! от 50-ти на 100.
 И выигрывали и отписывали мелом.
 Так в ненастные дни занимались они делом.²²

По утверждению А. П. Керн, четверостишие было за картами написано в доме Сергея Голицына (мелом на рукаве).²³ 1 сентября 1828 года поэт, желая обрисовать другу свой образ жизни, послал П. А. Вяземскому это стихотворение, а несколько позднее использовал его в качестве эпиграфа в *Пиковой даме*.

С точки зрения страсти к картам, объединявшей Пушкина с Сергеем Голицыным, знаменательно самое начало письма Вяземского к Пушкину от 26 июля 1828 года:

Где ты, прекрасный мой, где обитаешь?
 Там ли, где песни поёт князь Голицын,
 Ночи певец и картёжник?

И продолжил прозой: „В самом деле где ты, как ты, что ты? С самого отъезда из Петербурга не имело о тебе понятия, слышу

---

²¹ История написания эпиграммы была рассказана М. Н. Лонгиновым: *Сочинения Михаила Николаевича Лонгинова*, т. 1 (1850 - 1859), Москва 1915, с. 512-514.

²² Из письма А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 года. *Переписка А. С. Пушкина*, Москва 1982, т. 1, с. 263.

²³ А. П. Керн, (Маркова-Виноградская), *Воспоминания о Пушкине*, Москва 1988, с. 58.

только от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал для них без вести, а несётся один гул, что ты играешь не на живот, а на смерть. Правда ли? Ах! голубчик, как тебе не совестно...". А в самом конце письма он спрашивает Пушкина: „Что Киселёв, Сергей Голицын?..”, - подтверждая тем самым стабильность встреч Фирса с Пушкиным.²⁴ Не менее интересны и ответы Пушкина на вопросы Петра Андреевича о Фирсе. Один из них содержится в неподцензурном черновике, другой - в беловом варианте письма, полученного Вяземским. Замечательно, что оба варианта как-бы дополняют один другой, сообщая, что „Фирс возится с Глинкою и устраивает родственно-аристократические праздники...”, а также что он „пустился в русские стихи...”.²⁵

Из „русских стихов” С. Г. Голицына нам известно немного: несколько эпиграмм и тексты романсов. В рукописных архивах сохранились посвящение А. Олениной (1828 г.) и два сатирических стихотворения на Крымскую войну 1853 - 1854 гг. Между тем, один из современников С. Г. Голицына утверждал, что „[...] его стихи, эпиграммы, бойкие рассказы, экспромты на русском, французском и польском языках были, можно сказать, достоянием высшего русского общества 30-х, 40-х и 50-х годов”.²⁶ Поэтому в целом будет справедливо отнести Фирса Голицына к тем, кого близкие к пушкинскому окружению поэты и литераторы называли „нашей братией”. Знаменательно, что стихотворение С. Г. Голицына *Когда в час весёлый...* (перевод стихотворения А. Мицкевича *Do D. D.*: в русском варианте *К ней* или *Моя баловница*) в 1834 году было помещено в литературном альманахе *Новоселье*. Двухтомный альманах, как известно, был издан А. Ф. Смирдиным в связи с памятным событием - переездом его книжного салона-магазина с Мойки на Невский проспект. В альманах были включены произведения литературной элиты Петербурга - друзей А. Ф. Смирдина, среди которых оказался и Фирс Голицын.²⁷ Помещённый во втором томе альманаха, перевод соседствовал с поэмой Пушкина *Анджело*.

²⁴ *Переписка А. С. Пушкина*, s. 259-260.

²⁵ *Ibidem*, s. 263-264; А. С. Пушкин, *Большое академическое собрание сочинений*, cz. 14, s. 266.

²⁶ Н. Н. Голицын, *Материалы для родословной...*, s. 169-170.

²⁷ „Новоселье”, Санкт-Петербург 1834, cz. 2, s. 48.

Тогда же, в 1834 году, в журнале Смирдина „Библиотека для чтения” Фирс опубликовал романтическую повесть *Вы струсили*.²⁸

Вот пока всё, что нам известно о „литературном наследии” Фирса Голицына. Но заметим: утверждение биографов о том, что С. Г. Голицын был „другом и переводчиком” Адама Мицкевича, нуждается в уточнении. Чести „переводчика” Мицкевича он, кажется, был удостоен благодаря всего лишь одному упомянутому стихотворению. Но сам факт близкого знакомства Фирса с польским поэтом сомнения не вызывает.

С весны 1828 года Фирс и Мицкевич принадлежали одному, и довольно тесному кругу лиц. Душой и организующим центром компании был Пётр Андреевич Вяземский. Помимо А. С. Пушкина, А. Мицкевича и князя Голицына (Фирса) в неё входили: А. С. Грибоедов, Н. Д. Киселёв, П. Л. Шиллинг, а также А. А. Оленин.²⁹ Именно этих друзей Вяземский, в письме от 21 мая 1828 года, пожелал увидеть на „прощальном пикнике”, устраиваемом им по поводу своего отъезда в Пензу.³⁰ А 25 мая все они, включая Пушкина, Мицкевича и Сергея Голицына, совершили морскую прогулку в Кронштадт.³¹ Но в таком составе компания просуществовала недолго и вскоре, говоря словами Пушкина, „раз-

²⁸ Кн. Голицын, *„Вы струсили”*, „Библиотека для чтения”. Журнал словесности и художеств, промышленности, новостей, мод, составленный из литературных и учёных трудов, Санкт-Петербург 1834, т. 3, кн. 2, с. 181-192.

²⁹ А. Мицкевич (1798 - 1855) - находился в Петербурге с декабря 1827 по 15 мая 1829 г., с перерывом в апреле-мае 1828 г.

А. С. Грибоедов (1795 - 1829) - поэт, дипломат. Находился в Петербурге с 14 марта по 6 июня 1828 года.

Н. Д. Киселёв (1802 - 1869) - начинающий дипломат, в дальнейшем - русский посол в Париже; близкий друг С. Г. Голицына с детских лет и до конца жизни; в июне 1828 года покинул Петербург, отправившись в армию.

П. Л. Шиллинг фон Канштадт, барон (1787 - 1837) - дипломат, учёный-востоковед, изобретатель.

А. А. Оленин - младший (1798 - 1854) - сын Государственного секретаря и президента Академии Художеств А. Н. Оленина; брат А. А. Олениной - несостоявшейся невесты Пушкина.

³⁰ Письмо П. А. Вяземского к Пушкину и А. А. Оленину от 21 мая 1828 г. - *Переписка А. С. Пушкина*, с. 258-259.

³¹ Письмо П. А. Вяземского к бр. Мухановым от 15 мая 1828 г. - „Русский архив”, 1905, кн. 2, с. 330.

брелась”. Только Мицкевич, Пушкин и князь Голицын продолжали общение до конца лета: они встречаясь в музыкальном салоне Марии Шимановской, в доме А. Дельвига, и бывали частыми гостями в Приютино - летней даче Олениных на Охте.

Документальной памятью весны 1828 года является *Лирический альбом*, составленный С. Г. Голицыным и М. И. Глинкой. Он вышел в 1829 году, объединив на своих страницах музыкальные и поэтические произведения. В этом альбоме читатель находил музыкальную пьесу Марии Шимановской *Вилия*, написанную на слова из поэмы А. Мицкевича *Конрад Валленрод* (перевод В. Шемиот); стихотворение Пушкина *Ворон к ворону летит...*, положенное на музыку М. Ю. Виельгорского, а также романс М. И. Глинки на стихи А. Мицкевича в переводе Сергея Голицына (*Когда в час весёлый... - под псевдонимом М. Голицын*).³²

Все члены сложившейся в мае 1828 года вокруг П. А. Вяземского компании друзей были в то время молодыми, преимущественно неженатыми людьми. Атмосфера, в которой они проводили своё свободное время, могла бы быть описанной словами пушкинской эпиграммы на Фирса: „рифмы, деньги, дамы эти, те-те-те и те-те-те...”. Но хорошо известно, что ни Мицкевич (по убеждениям филаретов), ни Н. Д. Киселёв в карты не играли. А значит, были и другие интересы. Заметим, что все эти молодые люди были либо дипломаты, либо поэты, либо и то и другое одновременно. В этом смысле не составлял исключения и Сергей Голицын - чиновник Коллегии Иностранных дел, сочинявший стихи на французском и польском языках, а с лета 1828 года „пустившийся” (по выражению Пушкина) и „в русские стихи...”. Всех членов данной компании объединяли прежде всего политические взгляды. После трагедии Декабрьского восстания 1825 года, большинство из них могло бы сказать о себе словами Пушкина: „одно отсутствие спасло меня...”.

Весной 1828 года политические интересы друзей в значительной степени были возбуждены весьма острыми вопросами национальной и внешней политики Российского правительства. События

---

³² *Лирический альбом на 1829 год*, изд. М. Глинки и Н. Павлицева, Санкт-Петербург 1829.

на Востоке („усмирённая” на время Персия, русско-турецкая кампания, развернувшаяся двумя фронтами на Кавказе и на Дунае) и на Западе (растущее напряжение в Польше, и проч.) не могли их не волновать. Присутствие в кружке А. С. Грибоедова и высланного из Польши Адама Мицкевича говорит само за себя. Лидер компании, П. А. Вяземский, более трёх лет (1818 - 1820 гг.) прослужил в Варшаве хорошо изучив там и польский язык, и „польский вопрос”. С появлением Мицкевича в России Вяземский стал одним из самых верных поклонников его таланта и одним из первых переводчиков его стихов.

Появление Сергея Голицына в узком кругу друзей Пушкина и Вяземского вполне можно было бы объяснить его близостью с Адамом Мицкевичем. Их знакомство, предположительно, могло состояться в декабре 1827 года, когда Мицкевич приехал в Петербург в свите Московского Генерал-губернатора князя Д. В. Голицына - самого значительного из высокопоставленных покровителей опального польского поэта. Как известно, московский генерал-губернатор не только предоставил Мицкевичу место „под крышей” своей Канцелярии (не обременяя при этом обязанностями по службе), но и позволил поэту жить в Петербурге с декабря 1827 года вплоть до отъезда за границу в 1829 году. Как начальник, он регулярно продлевал Мицкевичу отпуска, и, наконец, дал ему весьма похвальную характеристику для перехода на новую службу: в Коллегию Иностранных дел в Петербурге, где, кстати сказать, служил в это время и Фирс Голицын.³³ Формально взаимоотношения Мицкевича с Д. В. Голицыным не выходили за рамки обычных отношений между рядовым чиновником и начальником. Но, в действительности, они были основаны на внутреннем и духовном взаимопонимании, о чём свидетельствует лаконичное четверостишие, записанное в 1828 году Мицкевичем в альбом князя Голицына,

---

³³ Из рапорта А. Х. Бенкендорфа от 9 мая 1828 г. о Мицкевиче и Малиновском: „Московский Военный Генерал-Губернатор князь Голицын особенно им покровительствует и неоднократно ходатайствовал за ними [sic]... - Б. Модзалевский, *Пушкин - ходатай за Мицкевича*. Оттиск. Б/м., б/г.; По свидетельству биографов А. Мицкевича, в Москве поэту не доставало „польских книг и польского языка...”: *Биографическая библиотека Ф. Павленкова*, Санкт-Петербург 1896, А. Мицкевич, с. 38.

московский дом которого поэт посещал:

Если в сердце таишь ты о вольности грёзы,
Нам в беседе словами легко пренебречь:
Я пойму твои вздохи, а ты мои слёзы,
И мне руку пожмёшь - это польская речь.³⁴

Напомним: Дмитрий Владимирович был сыном Натальи Петровны Голицыной, урожд. Чернышовой (ставшей прототипом *Пиковой дамы* А. С. Пушкина), а вместе с тем приходился Фирсу двоюродным дядей. Если верить рассказу С. Голицына (в пересказе П. В. Нащокина и П. Бартенева³⁵), Фирс обращался к своей двоюродной бабке за деньгами - чтобы отыгаться, - тогда и узнал от неё „тайну трёх карт”. Можно предположить, что Дмитрий Владимирович в декабре 1827 года, прибыв в Петербург, свёл Мицкевича со своим племянником - Фирсом. С представителями этого семейного клана Голицыных Мицкевич дружил и в дальнейшем. Особенно близкими были его отношения с семьёй родного дяди Фирса Александра Сергеевича Голицына („Рыжего”: 1789 - 1858). В 1820 году он, одновременно с П. А. Вяземским, служил в Варшаве и оставил там яркую о себе память проделками и экстравагантными выходками. Он был любим поляками, и ок. 1822 года женился на Каролине Станиславовне Валевской (по первому браку Ходкевич). В конце 20-х годов супруги Голицыны были завсегдатаями в салоне Марии Шимановской в Петербурге. Затем они переехали в Рим, и Мицкевич в 1830 -1831 гг. запросто и часто посещал там их польскоязычный и по-русски гостеприимный дом. Память этих посещений сохранили несколько акварельных изображений.³⁶

Возвращаясь к лету 1828 года напомним, что в жизни А. С.

---

³⁴ Перевод М. Живова. - В кн.: А. Мицкевич, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 1, Москва 1948, s. 178.

³⁵ П. И. Бартенев, *Рассказы о Пушкине*, Москва 1925, s. 46-47.

³⁶ „Семья Голицыных”. Акварель худ. Абеля. Пим. 1831 г. В кн.: *Подробный иллюстрированный каталог выставки русской портретной живописи за 150 лет. (1700 - 1850)*, изд. Синего креста 1902, s. 1; „Адам Мицкевич и князь Голицын за шахматами”. Из альбома Марии Шимановской. В кн.: *Адам Мицкевич. Жизнь и творчество в документах, портретах и иллюстрациях*, составитель М. Капусьценская и Ванда Марковская, Полония 1956, s. 66.

Пушкина оно было весьма беспокойным и в политическом, и в личном отношениях.³⁷ Именно тогда он сватался к Анне Алексеевне Олениной. С. Голицын и А. Мицкевич, часто навещая Приютино, были свидетелями неудачи сватовства Пушкина. Более того, Фирс оказался даже косвенным участником „последнего акта драмы”, о чём подробно рассказала в своём *Дневнике* Анна (Annette) Оленина.³⁸

Сватовство Пушкина к Annette не удалось по вполне объективным причинам (родители считали его неподходящей партией: безнравственный, бедный, неблагонадёжный; да и невеста не слишком была влюблена и лишь тщеславно принимала стихи „величайшего из современников”). Между тем, ситуация осложнилась невольно оброненной в доме у Полторацких фразой поэта, дошедшей до Олениных в таком варианте: „Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам...”. От речей поэта Аннет буквально „впала в ярость”, и отношения Пушкина с Олениными едва не расторжились навсегда. Выручил Фирс. В день именин матушки, Аннет ждала Сергея Голицына с крайним нетерпением, желая, по обыкновению, сделать его участником домашнего спектакля. Между тем, устраивая декорации, Сергей Голицын улучил удобный момент, чтобы заступиться за поэта, „умоляя” Аннет не менять поведения по отношению к Пушкину. „Это было при мне сказано и не совсем так. Я ведь знаю, кто и зачем Вам это передал...” - сообщил Фирс, имея в виду интриги Полторацких, желавших разрушить сватовство поэта в пользу их родственника. „Сергей порицал маменьку за её суровость к Пушкину, говоря, что это не способ успокоить его...”, - записала Аннет в своём дневнике. То есть Фирс выступил в роли миротворца. „Это был очень интересный разговор,” - заключила Аннет.

В тот же период Сергей Голицын, подобно Пушкину, переживал собственную драму несчастливца для него романа. В конце весны или начала лета 1828 года он впервые в Павловске познакомился с юной фрейлиной Александрой Осиповной Россет,

---

³⁷ А. Ахматова, *О Пушкине. Статьи и заметки. (Пушкин в 1828 году)*, Горький 1984, с. 219-233.

³⁸ *Дневник Annette. Анна Алексеевна Оленина*, Москва 1994, с. 91, 101, 104-105.

и сразу влюбился в неё столь же сильно, сколь и безнадежно. Не оставляя надежд он волочился за нею до весны следующего года. В этот период он нередко искал её общества в тех же местах, где бывал и Пушкин.³⁹ Так в начале марта 1829 года у Карамзиных, в присутствии Фирса и А. О. Россет, Пушкин читал только что им завершённую и подготовленную к печати поэму *Полтава*.

Вскоре Пушкин покинул Петербург. Впереди его ожидало сватовство к Наталье Гончаровой и путешествие на Кавказ. Возможно при последней встрече поэт поделился с Фирсом своими намерениями принять участие в очередной кампании Русско-турецкой войны и тем самым побудил Сергея Голицына последовать его примеру. Так или иначе, но Фирс, штатский чиновник Коллегии Иностранных дел, вдруг неожиданно и стремительно пошёл „ва-банк”, подавши начальству рапорт об отправке его в действующую армию. Но тут было больше отчаяния несчастной любви, чем патриотизма или геройства.

В начале мая 1829 года Фирс уже находился при штабе Дунайской армии. Накануне отъезда он навестил больного М. И. Глинку. Наскоро друзья сочинили романс *Забуду-ль я волшебство слов твоих...*, адресованный возлюбленной Фирса и исполненный им на прощание в салоне г. Штерич. Тогда же С. Голицын написал повесть *Вы струсили!*, весьма реалистично и досконально отражающую перепетии его неудачного романа. Рукопись повести ходила по всему Петербургу и имела успех.⁴⁰

Отзвук этой романтической истории мы находим в той же пушкинской эпиграмме на Фирса:

...Черноокая Россетти
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те-те-те и те-те те...

И заметим: под „*те-те те...*” имеется в виду, в частности, и сам автор эпиграммы.

После 1830 года сведения о Сергее Голицыне и его связях

³⁹ А. О. Смирнова-Россет, *op. cit.*, s. 167-168, 178, 185.

⁴⁰ Ф. П. Фонтон, *op. cit.*, s. 16-18.

с прежними петербургскими друзьями немногочисленны. В 1831 году он переслал Пушкину в Москву (через дядю - В. С. Голицына) три неизвестные нам книги.⁴¹ К 1834 году относится любительский рисунок, изображающий Пушкина и Фирса в числе гостей на балу в доме князей Трубецких.⁴²

В год смерти А. С. Пушкина С. Г. Голицын женился на Марии Ивановне Езерской - графине польского происхождения, и в чине капитана вышел в отставку. В дальнейшем жил в Варшаве, Париже и Петербурге, изредка наезжая в Москву. Сведений о второй половине жизни С. Г. Голицына чрезвычайно мало. Нет свидетельств и о продолжении его дружбы с Адамом Мицкевичем, покинувшим Петербург 15 мая 1829 года. Вскольз упоминается о том, что живя в Варшаве, Фирс был столь же любим польским обществом, сколь ранее петербургским. Известно также, что до конца своих дней Фирс Голицын сохранил репутацию порядочного человека и прекрасного семьянина. От брака с М. И. Езерской он имел шестерых детей и дал им хорошее образование и воспитание. Наиболее известен Лев Сергеевич Голицын - основатель завода „Новый свет” в Крыму. Его называют „отцом русского шампанского”.⁴³

С. Г. Голицын скончался в 1868 году, Польше, в своём имении Стара Весь, Седлецкой губ. Согласно семейной традиции Голицыных, тело его было погребено в родовом склепе Спасо-Преображенской церкви в с. Зубриловка, Саратовской губ., где до недавнего времени сохранялась чугунная плита его надгробия.

---

⁴¹ С. Т. Овчинникова, *Пушкин в Москве*, Москва, s. 191-192.

⁴² Т. Зенгер, *Пушкин у Трубецких*, [w:] *Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусств и общественной мысли XIX века*, Москва 1934, t. 3-4, s. 221-226.

⁴³ А. К. Ганулич, *Князь Лев Сергеевич Голицын - отец русского шампанского*, [w:] *Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы II Голицынских чтений*, Большие Вязёмы 1995, s. 125-133.